

ПИСЬМА
ПРОКЛЯТОЙ

МАРИЯ КСАВЬЕР ШАРЛОТТА БАРБЕРИ

Мария Ксавьер Шарлотта Барбери Письма проклятой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43018727

ISBN 9785005004970

Аннотация

Книга основана на реальных событиях. В ней будто заключена душа главной героини. Эта история о молодой девушке Вивиан Харт. Сестра забирает у нее самое дорогое и оправляет в сумасшедший дом. Теперь девушке придется каждый день бороться за свою свободу и выживать в этом Богом забытом месте. Выбитая из сил и всеми покинутая, она надеется, что появится тот, кто освободит ее. Ее душераздирающие крики и мольбы о помощи заключены в этой книге. Если прислушаться, то можно услышать ее отчаянный плач.

Письма проклятой

Мария Ксавьер Шарлотта Барбери

Дизайнер обложки Оксана Борисова

Переводчик Елена Прокофьева

© Мария Ксавьер, 2020

© Шарлотта Барбери, 2020

© Оксана Борисова, дизайн обложки, 2020

© Елена Прокофьева, перевод, 2020

ISBN 978-5-0050-0497-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конечно, ты можешь мне не верить, но я не могу доказать тебе обратное.

Меня зовут Вивиан, и я просто хочу рассказать тебе историю моей жизни.

Мои руки трясутся от холода и отчаяния, а сердце бешено колотится. Я стараюсь сохранить последнее, что у меня осталось. Сохранить надежду. Нет сил больше кричать, нет сил плакать и звать на помощь. Мне кажется, что я здесь умру.

Или действительно сойду с ума.

Единственное, что дает мне надежду это его глаза. Голубые, полные любви и радости глаза. Глаза моего Дэвида, которые остаются лишь глубоко в моей памяти. Под толстым слоем пыли.

Я снова слышу эти звуки. Звуки, доносящиеся из коридора. Будто огромные трубы разрывает поток ветра. Я больше не могу слышать это. Зачем они это делают? Зачем мучают меня? Пожалуйста, хватит! Я хочу закричать, хочу найти силы. Но их нет.

Сейчас я в самом низу. В яме, из которой не выбраться, как не старайся. Я пишу эти слова на старой, желтой бумаге уже почти стертым карандашом. Но я пишу. Пишу, чтобы выжить. Чтобы сохранить хоть что-то в моей памяти.

Я не знаю, кто я теперь, но я помню, кем я была раньше. Еще совсем недавно я была совершенно нормальной девушкой, я была свободной. Это была другая Вивиан. Вивиан, которая хотела жить. У нее было то, чего нет у меня. Целое сердце. Сердце, которое жадно билось в груди. Сердце полное жизни, на котором будто распускались прекрасные цветы.

Если бы хоть на миг я могла вернуться в прошлое и изменить хоть что-то, что-то исправить, я бы осталась прежней. Я бы осталась живой. Но поскольку это невозможно, я уже никогда не получу шанс прожить тот отрезок моей жизни заново. Мне остается лишь уповать на Господа Бога, кото-

рый не покинет меня в назначенный час. Час, в который мне придется оставить это место навсегда. Тогда я отправлюсь в лучший мир.

Как жить дальше, если силы уже почти покинули мое тело? А все мои воспоминания утекают, словно вода сквозь пальцы. Как жить, если мою голову изнутри разрывают на части эти звуки? Как же больно. Как больно.

Я снова слышу крики из коридора. Женские крики. Они разрывают воздух на части и режут мои уши.

– Чертовы ублюдки! Да, я сама королева! Как вы смеете ко мне прикасаться?! Мой брат завещал мне сесть на трон. – Снова Дикая Элли сотрясала воздух своими воплями впере-мешку со звоном цепей на ее ботинках. – Гильотина! Вот, что ждет вас, псы чумные! – Зарычала она, и ее вырвало обе-дом прямо на сестру Ригес.

Обед был хуже некуда, так что думаю, Элли не очень-то расстроилась. А вот сестра Ригес, кажется, сейчас растерза-ет ее на месте. Я встала в проход и наблюдала за всем этим со стороны.

– Что ты делаешь, паршивка? Ты снова хочешь на стул? Ну, так я тебя сейчас верну на него. Можешь не сомневаться! – Взвизгнула, сестра Ригес, и раздался такой громкий хлопок, что я вздрогнула. Сестра Ригес ударила Элли ладо-нью по щеке так сильно, что та упала.

Лучше бы она убила ее прям тут, чем снова отправить на стул. Тогда Ригес не пришлось бы снова терпеть такое. За-

чем тогда вообще менять платье и передник, ведь зная Элли, после стула к ней лучше не подходить близко, да еще и в чисто выстиранной и выглаженной одежде.

В холодном промозглом коридоре стояла вся грязная и облитая сегодняшним обедом из желудка Дикой Элли, сестра Ригес. На коленях перед ней стола Элли, которая еще менее полугода назад засыпала в объятиях знатного Графа и одевалась только в лучшие шелка. Довольно легко это представить, но так сложно в это поверить. Знает ли тот Граф, что его Элли теперь регулярно посещает стул? Знает ли он, что подают на обед его возлюбленной и знает ли вообще, что она все еще жива? Быть может, он вообще не помнит ее. Эти мысли меня немного отвлекают. И гул в голове замолкает.

Я заснула всего на несколько минут. Мне снился мой дядя, который замерз, когда я была еще совсем ребенком. Его серое, искаженное лицо выражало мне сочувствие. Будто даже мертвым быть лучше, чем находиться здесь. Потом мне снился жар, жар камина и горячее вино с пряностями в моем бокале. Мои руки согревались, а аромат корицы дурманил и успокаивал. Так горько и сладко одновременно. А потом звон посуды. Мне принесли ужин, и пришлось открыть глаза.

Когда я увидела, что мне придется есть, то пожалела, что проснулась. Мне принесли одну холодную картошину, полстакана молока и кусок черного хлеба.

На вкус совсем не плохо, поэтому я съела все. Затем пилюли. Две белых маленьких и одна желтоватая. Все как

обычно.

– У тебя осталось что-то? Я могу доесть? – Спросила Нелли. Тяжелое дыхание с шипением вырвалось из ее груди. Я вздрогнула от неожиданности. Я совсем забыла, что я здесь не одна.

Руки Нелли дрожали от холода, ее глубокий и одновременной безумный взгляд заставил меня дрожать.

– Прости, Нелли. Я была очень голодна.

Она безмолвно смотрела на меня, будто ничего не услышала и все еще ждала, что я ей дам доесть свой ужин. И только спустя пару минут она громко засмеялась. Смех ее был колючий, словно морозный ветер. Но потом она быстро успокоилась, легла на свою кровать и заснула.

Теперь я могла снова писать. Писать, чтобы сохранить часть рассудка, что у меня осталось, пока меня не свалит в сон.

В таких условиях тяжело написать что-то внятное. Пальцы не слушаются, а мысли ускользают с такой быстротой, что догонять их тяжелее, чем поймать каторжника. Но я чувствую, что мне необходимо это делать. Мой рассудок теряется в лабиринтах разума, оставляя лишь легкий отблеск моих воспоминаний, то и дело мелькающих у меня в голове.

Эти воспоминания о детстве. Я помню ветер, развивающий мои густые волосы, я помню поля, раскинувшиеся от моего дома до края земли. Я будто и сейчас чувствую те запахи и звуки.

Звонкие голоса птиц и их сладкое пение разливаются в моей памяти. Шелест мягкой, шелковистой травы под босыми ногами. Я будто чувствую ее тепло и нежность.

Белые стены так давят на меня сейчас, перед глазами туман, я закрываю их и мне легче. Легче перенестись в те времена, когда все было хорошо. Когда моя мама, о которой я почти ничего не помню, брала нас с сестрой за руки и вела в цветущую оранжерею. Я помню цветы, разные цветы, их аромат, который витал в воздухе. Мама собирала букеты и расставляла их по всему дому.

Особенно мне нравились кувшинки, но в оранжерее их не было. Они росли только в пруду не далеко от нашего родового поместья. Они казались мне самыми волшебными, потому что росли только в воде.

Нелли начинает стонать во сне и что-то бормочет себе под нос. Я не могу разобрать, что именно. Я пытаюсь раскрыть слипшиеся глаза, но у меня не получается. Но хочу ли я? Нет. Совсем не хочу. Не открывать бы их вообще! Стать слепой, чтобы не видеть всего этого.

Мое детство. Я, моя сестра-близнец, такая же, как и я. Мое искаженное отражение. Мое зеркало. Я смотрела на ее, и видела в ее голубых глазах себя.

Я помню своих родителей, но не могу припомнить их лиц. Каждый день я пытаюсь воскресить их в памяти, но все четко. Это место убило все.

Мои родители, любимые, самые дорогие для меня люди,

те, что будут любить тебя, даже если ты сделаешь что-то им неуютное, что-то ужасное.

Маргарет и Уильям Харт, так звали мою мать и отца. Они были добропорядочными людьми, чтити законы и почитали нашего короля.

Держась за руки, мы бродили по полям. Моя матушка говорила, что я была непослушным ребенком, которая быстро находила неприятности, даже там, где их не было и в помине. Моя сестра же наоборот, искаженное отражение, тихая, омут ее глаз не выражал обеспокоенности, озабоченности этим миром и его красотой, его необъятным величием. Она была спокойной, себе на уме.

Когда приходило время завтрака, матушка распоряжалась, чтобы нам с сестрой наливали свежего молока. Я так любила его! Еще одно воспоминание, что сохранилось в моей памяти, согревающие мои мысли, воспоминания о теплом молоке, таком вкусном, белом как облака.

Но было и то, что омрачало эти дивные воспоминания. Сильвия – моя сестра-близнец. При виде молока она морщилась, будто ее заставляли пить морскую воду. Я смотрела на нее, и совершенно не понимала, почему оно ей так не нравится.

Только потом при очередной ссоре с сестрой я все поняла. Сильвия и по сей день помнит ту историю, что случилась с нами на пятом году жизни.

Наша матушка держала в доме молочницу, и у нас часто

пахло молоком и сливками. Молочница готовила сыр, творог, а мы с Сильвией находились рядом, пока родители были заняты. Иногда она давала нам пробовать ее изделия на вкус и рассказывала о премудростях приготовления сыра.

Я помню, когда все изменилось, помню, как Сильвия переменялась.

Был полдень. Молочнице пришлось отлучиться по своим делам, и она была вынуждена оставить нас одних. На деревянном столе стояла миска с молоком, а льняные тряпочки для творога мирно лежали рядом.

– Вивиан, ты уверена, что мы можем трогать все это? – Хлопая глазами, спросила Сильвия.

– Да, ладно тебе! Смотри, в миске свежее молоко, так хочется. – Я облизнула губки, так сильно мне хотелось отпить из миски.

Стол был высоким, а мы с сестрой такие низенькие, что еле доставали руками до столешницы. Я взяла стул, встала на него, но не смогла удержаться на ногах из-за скользких подошв туфель, и опрокинула миску с молоком на стоящую рядом сестру. Сильвия завопила и начала махать руками. Ее сиреневое платье сделалось мокрым, она морщилась, и издавала странные звуки, будто ее сейчас стошнит.

В кухню в ту же минуту вошла молочница. Ее глаза округлились, а рот приоткрылся. Мы с сестрой встали по стойке смирно.

– Что тут произошло? – Сказала молочница, бросив

взгляд на миску, что валялась рядом с ногами Сильвии.

– Простите нас. – Сказала я, и ощутила на себе презрительный взгляд сестры.

– Господи, Сильвия, ну ты и неряха, вон посмотри на Вириан, какая она чистая и аккуратная! И почему миска на полу? Ох, девочки, из-за вас мне все придется начинать сначала.

– Но, это не я. – Еле слышно сказала Сильвия. Но всем уже было все равно.

– Все, ничего не хочу слушать. Ступайте.

С тех самых пор, Сильвия и слышать ничего не хотела об этой молочнице. Она обходила стороной все, что касалось молока.

А я совсем уже забыла вкус настоящей еды, забыла запах свежего хрустящего хлеба, мяса и свежих овощей. Здесь еда совсем с другим вкусом. Точнее его не было и вовсе.

Опять болит голова, мысли путаются, но я должна писать дальше, чтобы не упустить ни одной детали моего прошлого, ни одну крупицу воспоминаний. Как же хочется кричать от отчаяния. Но я должна рассказать тебе мою историю до конца.

Моя сестра была так скучна, как лист серого пергамента без единого рисунка или надписи. Да, мы одинаковые. Но я никак не могла заглянуть в голову моей сестры, и узнать, что там таится.

Она могла сидеть часами и плести венки из полевых цве-

тов, себе на уме, размышляя о чем-то неведомом. Мы кажемся одинаковыми, но там, внутри, мы разные как свет солнца и порывы холодного ветра.

Ее маленькие костлявые пальцы без труда справлялись с работой по дому. Она часто помогала матушке, часами молчала и читала книжки. Скучное искаженное отражение. Сначала я звала ее веселиться со мной, но потом перестала. Сильвия, бедная моя сестра, в ней с самого начала не было ничего, что могло бы трогать сердца.

Как весело проходило наше детство. Легкое и беззаботное, однако, беззаботным оно было лишь у меня.

Я помню, как бегала за бабочками в пустоши, где росло огромное дерево. Одинокая липа. Я воображала себя путешественницей и мореплавателем. Представляла, что плыву по океану на огромном судне, с бравым капитаном. Плыву туда, где солнце соединяется с горизонтом.

Лежа на мягкой траве, я закрывала глаза и представляла, что нахожусь в неизведанном мне месте, в той стране, что за океаном. Представляла себя хозяйкой большого поместья, и что в моем подчинении множество слуг, которые очень любят меня за мой веселый нрав.

Сейчас мое лицо перестало выражать беззаботность. Я забыла, как мечтать. Мой голос потерял тот задор и звонкость, которые наполняли его в моем далеком детстве. Хотелось бы мне вернуться обратно. Куда обратно? Некуда. Матушка уж давно гробу, и ее тело разлагается в сырой земле, а мой папа,

я помню его лучезарную улыбку, от которой матушка была без ума. Помню теплый взгляд его зеленых глаз. Как нежно и трепетно он гладил меня по голове, когда я еще совсем маленькая сидела у него на коленях. Тепло его рук до сих пор согревают меня во сне.

Мое лицо уже мокрое от горячих слез. Я скучаю. Кроме моего любимого Дэвида нет больше существа на этой земле, по ком бы я так же скучала.

Если я еще могу по кому-то скучать, чувствовать что-то, кроме боли, значит, я еще жива, и надежда, что я когда-нибудь выберусь отсюда, остается.

Я помню наш дом, большой, с множеством комнат. Я бегала босыми ногами по коврам. Я помню, как они слегка царапали пятки. Помню звонкий голос мамы. «Сильвия, Вириан, а ну обуйтесь! Не подобает молодым леди бегать босиком!»

Но я не хотела ничего слушать, кроме своих собственных мыслей. Я заливалась смехом и заражала этим маму, которая вдруг начинала догонять меня.

Бабочки. Я помню бабочек с разноцветными крыльями, которых я ловила, не давая божьим созданиям летать, и наполнять красотой этот мир. Ласковый ветер обдувал мои волосы, лицо, а солнечный свет слепил глаза. Я улыбалась наивной детской улыбкой. От той улыбки и след простыл. Теперь я не улыбаюсь.

Я снова проваливаюсь в эту негу, хочу жить там, в мо-

их воспоминаниях, в том прекрасном мире. Слышать смех соседских детей, голос матушки, ощущать лучики солнца по утрам, ливень, град и снег!

Надеюсь, ты все еще здесь. Прости, мне так тяжело писать. Руки трясутся от холода, не слушаются, и карандаш еле царапает бумагу. Но я должна, должна рассказать мою историю. Мне ничего больше не остается. Я не должна потерять остатки рассудка.

Я так одинока, в этом огромном мире я одна. Все, что меня окружает здесь это пожелтевшие от сырости, покрытые плесенью стены, и Нелли, моя соседка, которая живет в своем мире, и ей нет дела до моего.

А ведь когда-то у меня были друзья, соседские мальчишки, Генри и Гарри. Они жили в деревне, что находилась неподалеку от нашего поместья. Это были дети бедных родителей, которые были предоставлены сами себе и делали, что им вздумается.

Я помню, как завидовала им, завидовала их свободе. Глядя в их глаза, я всегда видела в них волю к жизни, желание жить полной жизнью, идти всегда вперед, не оглядываясь назад. Они представлялись мне двумя птицами, вольными лететь, куда позовет их ветер. Двое мальчишек, двое преданных друг другу друзей, братьев ни по крови, но по духу.

Я очень любила играть с ними. Они часто приходили к нашему дому, и матушка любезно давала им по куску мягкого хлеба и стакану холодного молока.

Пока мы с Гарри и Генри играли в поле, Сильвия сидела под липой с книгой в руках. Она, как и обычно, жила и существовала где-то в своем мире, либо в мире той книги, которую читала. Скучное искаженное отражение.

– Вивиан, Гарри, Генри! Вы мне мешаете, не соблаговолите уйти играть в ваши глупые игры где-нибудь в другом месте. – Говорила моя сестра.

Но мы никогда ее не слушали. Мальчишки даже ухом не повели, когда услышали ее просьбу, которая скорее походила на приказ. Казалось, они вообще никого в этом мире не слушали, только себя самих. И родители им не указ.

Иногда, Генри и Гарри приходили ко мне с небольшим неуклюжим букетиком полевых цветов. Какими же они были прекрасными! Я кружилась от радости, улыбаясь, и благодарила мальчиков за чудесный подарок. Я понимала, что это все, что они могут сделать.

Сейчас у меня нет друзей. Я одна, и даже не знаю, где они сейчас, и что случилось с теми милыми мальчишками. Наверное, они стали мореплавателями или путешественниками. Надеюсь, они не потеряли ту волю к жизни, которая всегда сверкала в их глазах.

Еще несколько воспоминаний, которые теплятся в моем сердце, связаны с нежными руками моей матушки. Она часто расчесывала наши с сестрой волосы. Мне было трудно усидеть на одном месте. Матушка старалась привести в порядок спутанные ветром волосы, было больно, и я не желала-

ла это терпеть. И только уговоры матушки и ее нежные руки могли удержать меня хоть на пару минут на одном месте. Сильвия послушно сидела возле нее, и я видела, как ее лицо меняет выражение, но она не издавала ни звука, что сильно раздражало меня.

Но Сильвия не всегда молчала, я помню, как она любила читать книги вслух, медленно и четко проговаривая слова, изредка поглядывая на матушку, что сидела рядом и следила за тем, как мы обучаемся грамоте. Сильвия всегда стойко и кротко выполняла все поручения гувернантки. Так много сил и терпения уходило у нее, чтобы выучить рассказ или написать сочинение. И ее старания вознаграждались одобрительными кивками со стороны матушки.

Я же с легкостью и невероятной быстротой изучала целые отрывки из книг и писала по несколько сочинений за раз. Тогда я поняла, что мне нравится придумывать разные истории и записывать их в тетрадь. С тех пор я сама начала писать маленькие рассказы.

Во время занятий я думала, как бы скорее избавиться от книги и пуститься на поиски бабочек в саду. Меня часто хвалили и отпускали из класса раньше сестры. Сильвия же делалась такой сердитой, но продолжала зубрить дальше.

Я помню ее завистливый взгляд. Она стреляла молниями из глаз, когда видела, что я вперед нее встаю из-за парты. Я свободна и могу делать, что захочу.

Когда Сильвия заканчивала выполнять учебные задания,

она медленно поднималась, задрав голову повыше, и смотрела на меня как на рабыню. Глупая Сильвия. Ее осанка была такой прямой, а голова была так сильно задрана, что мне казалось, что она сломается пополам.

Я хихикала за ее спиной. Ведь мне совсем не стоило никаких усилий, чтобы хорошо учиться.

Шли годы. С каждым днем мы становились старше. И пропасть между нами становилась все больше. Я смотрела на себя в зеркало и видела молодую, красивую девушку, умело стреляющую глазками с персиковым румянцем на лице.

Сильвия же была полной моей противоположностью. Цвет ее кожи отдавал землистым оттенком. Вены выступали на ее груди, которую она так тщательно прикрывала шелком. Она предпочитала серый цвет в одежде и совсем не носила украшений.

Я же украшала свою шею жемчужной нитью, которая подчеркивала цвет моей кожи. Я будто вся сверкала изнутри, так говорила моя матушка. А Сильвия превратилась в серую мышь, видимо из-за недостатка солнечного света. Так я думала. Ведь она всегда находилась дома.

Теперь Сильвия действительно стала моим искаженным отражением. Мы стали совершенно разными, сейчас всем было легко различать нас.

Чем старше мы становились, тем все становилось сложнее. Осанка, дикий холодный взгляд, горделивый вид Сильвии отталкивал от нее всех, с кем она пыталась заговорить.

Она источала колючий холод, неприступная стена, что моя сестра усердно строила все детство, достигла такой высоты, что никто не мог вскарабкаться на самый верх, и посмотреть, что скрывается за ней, прекрасный сад или же терновник, и сухая почва.

Казалось, что мы с сестрой идем разными путями, которые иногда пересекались между собой. Я помню, как матушка учила нас этикету, что можно делать в обществе, а чего делать нельзя, как правильно вести себя за столом, как держать осанку и женское достоинство. Но больше всего я любила слушать истории из Букингемского дворца, о жизни короля и его гордых подданных. Я слушала все очень внимательно, не пропуская ни единого слова. Наверное, это единственное, в чем мы с сестрой были схожи – нас объединяла любовь к этим историям. Как замороженные, мы сидели у матушки в ногах и слушали, впитывая все, как губки.

Когда нам было четырнадцать, я так сильно мечтала о первом бале, как я буду кружиться в вальсе, стреляя глазками. Я бегала по дому босая, изображала танец, так неуклюже, что смеялась сама над собой. Сильвия же снова морщила свой маленький нос, когда видела меня. Лишь изредка подсмеивалась надо мной. Но это больше походило на злобные завистливые смешки, нежели на невинный смех.

– Ты никогда меня не поймешь! – говорила я.

– Как и ты меня, Вивриан. – Отвечала она, на что я обычно показывала ей язык и убегала. Не хотела заразиться уныло-

стью.

– Ты скучная, Сильвия, иди почитай еще одну книжку, может тебе веселее станет.

– Ох, Сильвия, и почему ты не такая, как твоя сестра? – качала головой матушка. А Сильвия лишь опускала взгляд обратно в книгу.

Спустя какое-то время, Сильвия все-таки нашла себе достойное занятие, которое хоть как-то могло развлечь и нас и ее саму.

Конечно, как же я забыла упомянуть это! Сильвия не была такой уж безнадежной, как может показаться. Еще в раннем детстве папа и матушка увидели, что моя сестра обладает прекрасным звучным голосом и любовью к музыке.

Чем старше она становилась, тем больше этот талант расцветал в ней. Ее голос радовал папу за ужином. Когда она пела, ее волшебный голос разлетался по дому, наполняя его жизнью. Матушка садилась за фортепиано, и Сильвия пела. Пела так, что папа невольно покачивал ногой или головой в такт. В те минуты, мне становилось спокойнее и легче.

Мою сестру ценили именно за это. Когда она пела, я видела гордость за нее в глазах родителей, и видела улыбку на лице сестры.

Моя память подводит меня, снова. Так тяжело восстановить в ней все, что для меня важно, наш смех, наши улыбки, что мы дарили друг другу. Вспомнить бы те моменты, когда мы брались за руки, и бегали по полям, вплетали в волосы

цветы. Это было так редко.

Мы расцветали, становиться красивыми девушками, и наши таланты расцветали вместе с нами. Сильвия пела все лучше, стоя возле фортепиано в своем сером платье, с точеной фигурой, а матушка все еще восхищалась даром дочери. В то время как я часами крутилась возле зеркала, занимаясь своим туалетом, воображая, что я при дворе.

Я помню наш первый бал. Как же я долго ждала этого! Я помню, сколько времени я потратила на то, чтобы найти себе подходящее платье, нежно-розовое, но ужасно тяжелое. Помню цветы магнолии в своих волосах. Хотя матушка запретила мне надевать их, я ее не послушала. Я должна была выглядеть еще прекрасней, словно цветущая роза в цветнике.

И когда я посмотрела на себя в зеркало, увидела красивую молодую женщину, достойную быть при королевском дворе, достойную всего самого лучшего.

Мой первый бал! Музыка, красивые наряды, молодые джентльмены, поглядывающие по сторонам. Они рыскали глазами, высматривали себе будущих послушных жен.

Я опускала глаза, скрывала за длинными ресницами кокетливый взгляд, привлекающий всех вокруг. Иногда я ощущала на своей коже холодные прикосновения моей сестры, слышала ее томный голос – она просила меня быть сдержаннее, вести себя приличнее, остановиться, дабы не позорить любимых родителей. Но я ее и слушать не хотела.

Я смотрела по сторонам, замечала заинтересованные лица, глазающие на меня.

Сильвия выглядела как обычно. Отстраненное лицо, ровная как струна, стоит в стороне, почти в конце зала, незамеченная никем, старалась сохранять спокойствие. Я чувствовала это, что-то в глубине моего сердца ныло, в голове будто звучал ее голос. Это был крик.

О, Сильвия, мне стоило попросить прощения у тебя, за то, что я другая, за то, что лучше, за то, что судьба или природа создали нас такими.

Боль. Что-то жжет внутри. Нет, это не может быть чувство вины! Нет! Только не сейчас. После того, что она сделала со мной! Только не после этого.

Иногда мне кажется, что я сама виновата во всем, что со мной произошло. Наедине с собой, в этой серой комнате, мне ничего не остается, как только винить себя, писать, и сокрушаться, а потом снова писать, собрав остатки воли в кулак.

На этой бумаге я пытаюсь собрать осколки моей памяти, осколки воспоминаний. Они острые, как лезвия. Кусок за куском, словно я собираю картину, картину своей жизни.

Сильвия. Ничтожная, маленькая в этом большом мире, наполненном страхами и разочарованием. А ведь она так и не смогла найти себе кого-то для танцев в тот дивный вечер. Первый в ее жизни бал. Небольшая книжечка, в которой должны быть записи ее кавалеров, была пустой. Книжеч-

ка должна быть пропитана ее горькими слезами, но сестра держалась. Она всегда была сильной, даже когда... Ее лицо не выражало совершенно никаких эмоций, лишь холодный взгляд суетливо бегал по лицам людей.

Моя же книжечка была исписана почти полностью. Каждый танец я обещала разным джентльменам. Они же все без исключения не сводили глаз с меня. Один из них даже посмел признаться мне в любви. Он так крепко сжимал мою руку, что мне стало даже немного больно. И он ходил хвостиком за мной целый вечер.

– Мисс Вивиан, пожалуйста, подарите мне и этот танец. – Говорил он, разглядывая мои волосы.

– Мне очень жаль, но этот танец я уже обещала Мистеру Томасу. – Я нежно улыбалась, хлопая ресничками, затем стремительно уходила, оставляя за собой шлейф духов белой акации. Мне лишь изредка удавалось передохнуть на балконе, и я снова шла танцевать. На самом деле я протанцевала весь вечер и стоптала свои новые туфельки.

Матушка хвалила меня, и с негодованием смотрела на Сильвию, тяжело вздыхая. Она разглядывала ее со всех сторон, стараясь понять, что с ней не так. И дело было точно не во внешности, ведь мы были абсолютно одинаковыми. Но нас никогда не путали, что искренне удивляло меня.

Родители очень сильно любили нас обоих, теперь я это понимаю. Тогда, в юности, мне казалось, что матушка любит меня больше. Я видела, какими взглядами она одаривала ме-

ня, и как грозно или разочарованно она смотрела на Сильвию. Но все-таки она любила нас обеих.

– Мои дорогие, я так хочу вам счастья. – Говорила она. – Сильвия, пожалуйста, бери пример с Вивиан, учись у нее, так будет лучше.

Всякий раз, когда Сильвия слышала эти слова, ее лицо становилось холодным, не выражало почти ничего, но я чувствовала ее злость и ненависть. Мне становилось так тоскливо, а сестра просто уходила, быстро поднималась в свою комнату. Я подходила к двери и слышала тихое всхлипывание и сопение.

Руки озябли, и я еле выцарапываю буквы, но я должна продолжать писать. Моя история должна быть услышана. И как бы не была тяжела моя ноша, я выдержу, у меня нет другого выбора.

Тут так темно. Так сыро. Ригес пришла закрыть дверь. Она молча посмотрела на меня и с силой захлопнула ее.

Я забила в угол. Я чувствовала себя такой одинокой, несмотря на то, что рядом полно людей, были слышны крики и вопли. Я умоляю Морфея скорее забрать меня в свое царство. Мне хотелось бы заснуть и больше никогда не просыпаться, впасть в забвение. Но когда я вспоминаю о Дэвиде, эти мысли отпускают меня. Я должна жить, жить ради него.

Я хочу рассказать тебе о том, что же случилось. Чем ближе я к тому страшному событию в моей жизни, тем мне труднее, тем больше мое тело сопротивляется. Мозги кипят, почерк

меняется так, что рвется бумага.

Помню, как моя мама перестала дышать. Ее сердце так быстро остановилось, бездыханное тело упало на сырую землю. Помню, как мы с сестрой бросились к ней. Мы целовали ее холодные щеки. Папа стоял рядом, опустив голову. Тогда я ничего не поняла, но сейчас точно знаю, смерть пришла погостить, и забрала на свой адский пир нашу маму. Папа плакал. Первый и последний раз я видела его таким. Отныне его лицо стало другим. Глаза потускнели, а кожа утратила свой привычный оттенок.

В тот день лил дождь. Небо затянули угрюмые тучи. Голова раскалывалась от боли. Мы стояли над дырой в земле, куда отправилась моя матушка. Я все еще не помню ее лица. Господи, как же хорошо, что я помню хотя бы ее приятный нежный голос, и ее теплые прикосновения, ее объятия. Ее больше нет. Я больше никогда не увижу ее.

Мы росли. Пропасть между мной и Сильвией становилась все шире, только изредка я ощущала ту связь, что есть, была и будет между нами, всегда. Та тонкая нить, которая хоть и тонкая, но стальная.

Мы смотрели друг на друга, и не понимали, почему люди одинаковые внешне могут быть столь разными внутри. Сейчас это уже не так важно, ведь мы выросли. Пришло время выходить замуж, заводить семьи.

Папа всегда был занят, но после смерти матушки, отпустил гувернантку, и мы были предназначены сами себе.

– Пап, мы с Вивиан идем в церковь в воскресенье. – С важным видом говорила сестра. Как же меня раздражал ее тон. Как всегда, с высоко поднятой головой зайдет в нашу комнату и прикажет мне надеть платье, удобное ей, соответствующее «девушкам нашего положения».

– Не пойду я в церковь! Зачем? Сильвия, оставь меня, в который раз прошу тебя!

– Нет, ты пойдешь. Так надо! – Она взглянула на меня будто с высока.

И с чего моя сестра решила, что может командовать мной? Надо мной только папа и Господь Бог!

– Вивиан! Какая же ты вредная! – Ругала меня сестра. То, что нравилось ей было совершенно мне неинтересно.

После смерти матушки мы стали чаще ссориться, будь то что-то важное, или суший пустяк.

– Вивиан, прошло всего несколько недель, а ты снова носишь свои яркие шелковые платья. Как ты можешь? – Рычала она в недоумении.

– А как ты можешь все еще носить эти скучные и тяжелые черные платья? Их то платьями назвать нельзя!

– Это для мамы. – Прошептала она и ее глаза наполнились слезами.

– Поверь, матушке совершенно все равно, какие платья мы носим.

Сильвия не ожидала услышать от меня подобные слова. Мы переживали потерю по-разному. Я не хотела жить в тра-

уре. Мы остаемся здесь, в этом мире, мы живы. В моем мире я хотела видеть лишь радость. В нем не было место печали. И грустила я редко. Иногда глядя на голубое безоблачное небо, я вспоминала мамушку. Когда печаль занимала мое сердце и ум, я прибегала к помощи моих старых верных друзей – перу и бумаги. Писала все, что было на душе. Сильвия же выбрала другой путь. Ей нравилось быть хмурой, носить черное и мучить всех нравоучениями. Доставалось даже папе, который старался не обращать особого внимания на это.

Моя сестра командовала прислугой, подражая нашей мамушке. Я видела, как некоторые служанки хихикали над ней, но как только Сильвия это замечала, они переставали. Однако слушались ее, ведь особого выбора у них не было. А у меня был.

Единственное, что напоминало о тех временах, когда смерть еще не помнила о нашей семье, было пение моей сестры. Если папа устраивал прием или бал, что случалось достаточно редко, он просил мою сестру спеть что-нибудь, и все гости восхищались ее талантом. Это воскрешало в его старческой памяти те времена, когда его любимая супруга Маргарет, наша мамушка, была еще жива.

Хотя, на мой взгляд, пение самое бесполезное занятие на земле.

Если бы оно было полезным, то помогло бы моей бедной сестре найти мужа.

Я же сидела в своей комнате с пером и бумагой. В моей голове всегда было столько прекрасных историй! Мне хотелось поведать о них всему миру, рассказывать о странствиях, приключениях, несчастной, но великой любви и неизбежной смерти.

Все картины, что возникали в моем разуме, я переносила на бумагу. Слова так и лились на бумагу, и мое перо было мне помощником и другом. Я так хотела стать настоящей писательницей. Быть независимой ни от кого. И чтобы все восхищались не только моей красотой, но и моим талантом.

Мое искаженное отражение, моя сестра никогда не понимала меня.

– Вивиан, почему ты не можешь найти себе занятие, которые больше подходит девушке твоего положения? – Говорила она, на что я обычно лишь закатывала глаза.

– Оставь меня в покое, ради Бога. Свяжи что-нибудь, сплети, почитай одну из твоих любимых книг, или найди еще какое-нибудь скучное занятие, которое подходит девушке твоего положения.

Я видела зависть в ее глазах. Чувство, сжирающее человека изнутри, толкающие на чудовищные поступки. Она пошла на поводу у этого чувства.

Прошло еще какое-то время, и Сильвии все-таки нашли мужа. Это был никто иной как мистер Фрэнк Бисли, весьма уважаемый человек. Как я узнала позднее, он был из знатной дворянской семьи, которая владела чайной плантацией

в какой-то из колоний Британской империи. Это все, что я помню о его происхождении.

Происхождение и положение в обществе имели большое значение для моего отца. Он считал, что для Сильвии это будет весьма выгодная партия.

Я находила мистера Бисли весьма привлекательным мужчиной. Его фигура была довольно хорошо сложена. Маленькие глаза располагались на квадратном лице, на голове красовались слегка выющиеся пшеничного цвета волосы.

Я помню, как нелепо моя сестра смотрелась рядом с таким высоким и статным мистером Бисли. Низкая и хрупкая Сильвия едва доставала ему до квадратного увесистого подбородка. И я совершенно не понимала, что привлекательно-го он находил в ней. Я и до сих пор не понимаю.

Он всегда улыбался, но эти улыбки были просто частью этикета, просто учтивым жестом. Казалось, ему совершенно неинтересна ни женитьба, ни сама Сильвия, которая была по уши влюблена в него. Первый раз за всю жизнь, я стала замечать, что лед в ее сердце стал таять.

Я должна была попросить прощения, но сейчас уже поздно. Прости, дорогая сестра, прости, что я другая, что я лучше.

Да, несомненно, она была по уши влюблена. Когда мистер Бисли приходил к нам в дом, она преображалась. Надевала свое лучшее платье, а глаза искрились радостью. А я снова хихикала за ее спиной. Я не могла поверить, что у них что-

то получится.

Сидя за одним столом, я видела печальную, но смешную картину, достойную какой-то сатирической повести. Моя сестра взмахивала ресницами и смотрела прямо в глаза своему жениху. Она осторожно поправляла свое платье и была так нежна и мила. Все это выглядело совершенно не естественно, наигранно, будто она решила претвориться мной. Мне казалось, что я присутствую на каком-то дешевом спектакле с дрянными актерами. Но все же мне было интересно, и я продолжала наблюдать за этим. Я не стала мешать, а просто молчала. Мне не хотелось огорчать или лишать ее чего-то.

– Неужели эта наша Сильвия? – Шептала я папеньке, который, кажется, был счастливее всех остальных.

Сильвия так старалась, но Мистер Бисли будто пришел не к ней свататься, а на деловую встречу. Об этом говорили его сдержанный спокойный взгляд и безупречные манеры. Он стремился говорить о политике с нашим отцом. Затем они обсудили судоходные корабли и дальнейшее правление короля. Сильвия же не сводила глаз со своего жениха, а я все хихикала. Папа поглядывал на меня угрожающе, но я не могла сдержаться. Неужели никто не видел этого абсурда?

Но всем было все равно. Это же шанс, шанс для моей сестры обрести счастье, и наконец, оставить меня. На мой счет никто, ни папа, ни покойная матушка, не сомневались, Вивиан Харт без труда найдет себе одного, двух, да, сколько

угодно мужей, если пожелает. Но мне это было не нужно. Я хотела добиться гораздо большего. Я хотела писать книги, которыми будут восхищаться все вокруг.

Я снова слышу эти звуки. Они будто разрывают мою голову изнутри, медленно наполняя ее тревогой.

– Вивиан, чертовка! – скалилась моя соседка. – Зачем ты это пишешь? Неужели думаешь, что сможешь выйти отсюда? А вот и нет. Отсюда, моя дорогая, только одна дорога.

Она снова издает это невыносимые звуки. Ее безумные глаза не дают мне забыть, где я нахожусь. Моя голова снова раскалывается.

Сильвия и Фрэнк еще долго поддерживали связь, общались, что-то обсуждали. Я же наблюдала. Было интересно, что получится из всего этого. В итоге, они решили сыграть свадьбу в июне.

Шли приготовления. Сильвия была в приподнятом настроении, все контролировала. И ей постоянно требовалась моя помощь. Я даже начала уставать от этого. Но признаюсь, в этот раз меня лишили выбора. Папа добродушно попросил меня поучаствовать, чего не скажешь о мистере Бисли.

– Дорогой, какие цветы лучше? Розы или лилии? Дорогой, какого цвета скатерти и салфетки? Нежно-розовые или же небесно-голубые? А столовые приборы? Что скажешь о гостях? – Тараторила Сильвия, подсовывая лоскутки ткани под нос своему будущему мужу.

– Сильвия, дорогая, займись этим сама, пожалуйста. –

Мистер Бисли сидел в кресле, уткнувшись в газету. Он не замечал никого, будто нас тут и не было. Изредка он поднимал взгляд и увидев Сильвию погружался обратно в чтение или же в размышления.

Мне казалось, он чаще сморит на меня, чем на свою невесту. Когда я замечала, что он смотрит в мою сторону, я тут же отводила взгляд и улыбалась. А мистер Бисли не скрывал своей заинтересованности мной, и не стеснялся ее. Он нежно брал меня за руку и отводил в сад, пока Сильвия копошилась со слугами, составляя свадебное меню или же список гостей. Все эти приготовления занимали столько времени, и отнимали столько сил, что моя сестра ничего не замечала.

Мистер Бисли предлагал позвать на помощь свою сестру Кэрри, чтобы она все устроила, но Сильвия и слышать об этом не хотела. Она доверяла только себе и старалась держать все под своим контролем. Слуги ходили по струнке после смерти матери. Теперь Сильвия раздавала приказы и следила за порядком. Увлеченность чем-то была ей к лицу.

Признаюсь, что в день своей свадьбы моя сестра выглядела счастливой. Прежде я никогда не видела ее такой. Взгляд ее глаз уже не был таким холодным. Глаза искрились, светились от любви. Она сияла как полуденное солнце.

В день свадьбы мне пришлось расчесывать сестре ее вьющиеся волосы. Она сама попросила меня это сделать. Ведь ни матушки, ни гувернантки не было. Я проводила щеткой по ее голове медленно, и думала, как скоро я смогу начать

свое собственную жизнь, без вечного контроля со стороны сестры, которая возомнила себя моей матерью.

Я помню ее глаза в тот день, помню выражение ее лица. Все, начиная с этого дня и до конца, я помню в мельчайших подробностях, будто это было вчера, а не семь лет назад.

Когда я закончила расчесывать ее волосы, она повернулась ко мне, и я снова ощутила эту стальную, но тонкую связь между нами. Она никогда не пропадет. Она взяла меня за руку, и сказала.

– Знаю, мы с тобой не ладим, знаю, что ты ненавидишь меня, но я умоляю тебя, помоги мне сегодня. Без тебя я не справлюсь. – Она еле улыбнулась, и я невольно повторила за ней. Она восприняла это как согласие.

Господь видит мои помыслы, и в тот день, я клянусь, у меня не было мыслей что-то портить. Я лишь хотела делать все по-своему.

Все происходило так стремительно, так быстро. Их семейная жизнь началась в нашем родовом поместье.

Я наблюдала за семейной жизнью моей сестры, и, казалось, она была счастлива с этим мужчиной. Я же узнавала его все ближе и ближе. Он часто приходил ко мне, когда сестры не было рядом, садился и расспрашивал меня о моих рассказах. Его глаза светились любопытством. А я была так польщена! Никто ранее не интересовался моим ремеслом. И я с радостью рассказывала мистеру Бисли о нем.

Могу сказать, что с ним было легко и интересно. За ужи-

ном или за обедом, или просто сидя у камина, он мог часами рассказывать нам с сестрой о дальних странах, всяких диковинных традициях. Невозможно было предугадать, о чем он думает. Он легко и быстро менял темы одну на другую. Он не делал мне замечаний, часто находился в веселом расположении духа. Интересовался моим здоровьем и душевным состоянием. Я видела в нем друга, который всегда будет рад меня выслушать, если, конечно, он не читал свежую газету.

Бедному Мистеру Бисли приходилось читать старые газеты, если вдруг с утра нового дня почта запаздывала. Эти газеты были разбросаны по всему дому. Я тоже решила разложить свои рассказы по всему дому, и Сильвию это очень раздражало. Она бесилась, будто это не простая расписанная словами бумага, а навоз. Я всегда хихикала над ней, и наблюдала, как вся прислуга выбегала в гостиную на ее крики. Как только Сильвия замечала на столике или еще где-нибудь газету или мои бумаги, она тут же поднимала на уши весь дом, и приказывала прислуге убрать все немедленно.

Меня нельзя было увидеть без карандаша в прическе и клочка бумаги в кармане, так же как и Мистера Бисли нельзя было увидеть без свежей газеты или очередной книги итальянских авторов в руках. Я бы не решилась назвать его непостоянным, но непостоянство проявлялось во всем. Я замечала, что он мог с легкостью поменять свой любимый апельсиновый джем на молочную пасту. Ему надоедал его любимый костюм, его новые ботинки и запонки. Его люби-

мая музыка менялась каждый день. Вечером он рассказывал нам с сестрой, как сильно он любит оперных певиц, а за завтраком воспевал труд балерин и танцовщиц.

Мне тогда казалось, что все в нашей жизни было непостоянным. Хотя я была лишь сторонним наблюдателем. Я часто была наедине с собой, и мне это нравилось. Я была будто на спектакле в непонятном жанре, и сидела в первом ряду. Я видела отношения моей сестры с ее мужем, и понимала, что не хочу такую судьбу как у нее. Сильвия часто запиралась у себя в комнате и рыдала, когда Мистер Бисли возвращался домой под утро с запахом другой женщины. Никто никогда не говорил об этом, но все об этом знали. Сильвия молча глотала слезы и копила внутри обиду. Она вытирала слезы с щек, и молча терпела. Я чувствовала это. Мы будто делили эту боль между собой.

Впрочем, моя сестра сама виновата. Она хоть и не дурна внешне, с ее характером очень тяжело мириться. Думаю, что ее мужу тоже было нелегко с ней. Ее жажда все контролировать всегда сводила меня с ума. А теперь еще и Мистера Бисли, который явно не ожидал, что его дорогая женушка окажется такой невыносимой. Но все-таки он был с ней.

Солнечные дни сменились на дождливые, а вместе с ними пришла печаль и горе. Снова смерть приходила погостить, и этот раз забрала папу. Доктор сказал, что он долгое время скрывал от нас свою неизлечимую болезнь, подагру.

Перед тем, как забрать папу, смерть все же дала нам с сестрой попрощаться с ним. На смертном одре, он наказал новоиспеченной миссис Бисли заботиться обо мне и приглядывать за мной, пока я не найду мужа. Мы с Сильвией стали хозяйками в доме по документам, ведь он переходил к нам по наследству. Но в действительности, заправляла всем Сильвия, совершенно не посвящая меня в домашние дела. Да, я и сама не особо желала заполнять вместе с экономкой счетную книгу или выдавать жалованье слугам.

Это положило начало моему аду. Я чувствовала себя пленницей в собственном доме. Жизнь с семейной парой для меня была наказанием за неизвестные мне грехи. Избавить меня от нее могло только замужество, но я совсем не думала о нем. В обязанности Сильвии не входило искать мне мужа. Она была занята своей семьей, но обо мне не забывала.

Я и сама не заботилась о своем будущем, не видела его. В доме все казалось мне таким простым и скучным. Поэтому я часто уходила. Мне нравилось бродить по полю, мое воображение разыгрывалось до предела, я создавала новые миры, новых людей, события. И вот уже мир не такой скучный. Я возвращалась в свою комнату и снова бралась за написание новой истории.

Сильвии это не нравилось, насколько не нравилось, что она злилась по поводу и без. Ее раздражало мое поведение, она постоянно указывала мне, что делать.

– Вивиан! Я прошу тебя, ради Господа Бога, веди себя

как подобает! Тебе уже двадцать, ведешь себя как будто ты маленькая девчонка. – Шипела она и сверлила меня своим взглядом исподлобья.

– Как же ты забыла про свой возраст, Сильвия! Думаешь, что, если ты уже замужем, это делает тебя взрослее? А вот и нет! Ох, если бы родители были живы.

– Но их нет! И ты будешь слушать меня.

– Что тут происходит? – сказал мистер Бисли, внезапно появившийся будто бы из неоткуда.

– Ничего, Фрэнк, Вивиан уже уходит. К себе. – Сильвия отмахнулась от меня и обратила свой взор к мужу.

– Когда-нибудь ты точно пожалеешь о том, как обходишься со мной. – Сказала я, прежде чем подняться в свою комнату.

Мои глаза наполнились слезами, а тело сковало, словно кто-то обмотал меня цепями. Я помню, как мне было обидно, и какая я была злая. Я так устала от всего, устала от сестры, устала от такой жизни. Она постоянно давала распоряжения всем в доме. И я была не исключением. Каждое утро я получала очередное распоряжение от Сильвии, словно я была одной из наших служанок.

Я убежала подальше от сестры и садилась писать. Мои руки были так напряжены, что я ломала перья. Одно за другим. Слезы капали прямо на плотную бумагу. Я почти всю ее залила слезами. Я пыталась излить мою боль и обиду в словах, но ничего не получалось.

Голова снова раскалывается от этого отвратительного шума в трубах. Пожалуйста, хватит! Хочу домой, хочу обратно. Мне так страшно.

– Ну, что же ты опять вопишь?! – Крикнула Нелли. – Ты мешаешь мне спать. Замолкни, или мы обе завтра же отправимся на стул.

Я немного притихла. Я должна снова окунуться в свои воспоминания. Я должна рассказать свою историю от начала до конца.

– Вивиан. Что случилось?

Это был первый раз, когда мистер Бисли появился в моей комнате. Я никак не ожидала его увидеть.

– Зачем вы спрашиваете? Вы сами все видели. – Я надеялась, что мистер Бисли защитит меня, он ведь видит, что его жена не права. Хотя я все понимаю, что я никто для него, – Простите мне мою дерзость.

Я сжала губы и отвернулась, чтобы он не видел моего лица.

– Вивиан, дорогая. – Он немного помедлил, а потом сказал. – Если вам так будет легче, я на вашей стороне. – Я никак не ожидала тогда увидеть улыбку на лице мистера Бисли. Она была мимолетной, но мне стало немного лучше. В ответ я только улыбнулась.

Шло время, так прошел почти год. Наши отношения с сестрой становились то хуже, то снова улучшались. Но случилось это тогда, когда она оставляла меня наедине с собой

и молчала. Я весьма благодарна мистеру Бисли за то, что он смог повлиять на нее.

Я помню, как в нашем доме изменилось все, помню, что это случилось в одночасье, когда Сильвия поняла, что не может иметь детей. Нет, она не сказала мне. Но я узнала.

В тот день светило солнце, я занималась своими делами, но тут услышала шум из комнаты мистера Бисли и Сильвии, шум манил меня. Я слышала крики сестры, чувствовала ее боль. Творилось что-то страшное.

Они забыли запереть дверь. Я все видела и слышала.

– Прости меня, любимый. – Плакала сестра. – Господи, помоги нам. Я буду молиться о нашей семье.

– Сильвия, пожалуйста, прекрати. – Он старался обнять ее, но она сторонилась его.

– Прости меня, Фрэнк, я так люблю тебя, но не могу, не могу подарить тебе дитя. Прошел уже год, мы пытались, но ничего не выходит. Все мое существо проклято, я не предназначена для этого. – Всхлипывала она, прикрывая лицо платком.

Я видела, как моя сестра упала на колени. Она плакала, а я вздрагивала, я ощущала нутром эту боль, из моих глаз лились слезы, но я сдерживалась, чтобы не выдать себя. Мне было жаль ее. Никто на всем свете не заслуживает такой судьбы.

– Дорогая, прошу тебя, успокойся. – Повторял мистер Бисли.

– Наверное, ты потребуешь развода. Да, так, наверное, будет лучше, правильно? Развод. – Продолжала она, ходя по комнате туда-сюда. Ее тело сжалось. Она стала намного ниже, чем обычно. Ее спина искривилась, а руки побледнели.

– Нет, глупая. Будем пытаться еще и еще, и все получится. Я уверен, Господь милостив, он подарит нам ребенка.

– Значит, ты не попросишь развода? – Сказала Сильвия.

– Нет. – Отрезал он и взял ее за руку.

Проклятая дверь. Скрип разнесся по всему дому. И потухший взгляд Сильвии встретился с моим.

– Что ты тут делаешь? – Сказала Сильвия. – Ты слышала? Ты слышала все, так? Как же я ненавижу тебя! – Рывнула она. Блеск ее бешеных глаз заставил меня вздрогнуть. Она кинулась прямо на меня. И в ту же секунду Сильвия ударила меня по лицу.

– Дорогая! Прекрати, хватит. – Я помню, как мистер Бисли оказался рядом, и оторвал от меня свою разъяренную жену.

– Будь ты проклята! Вечно ты во все суешь свой нос. – Вопила она во все горло. Ее ужасающий визг поверг меня в шок. Я отстранилась и зарыдала.

Будто дикий зверь Сильвия неслась по коридору, в сторону моей комнаты, а я кинулась вслед за ней. Я хотела сказать «прости», но не могла. Что-то сковало мой рот, и я не могла вымолвить ни слова.

Сильвия в одно мгновение оказалась возле моего письменного стола, схватила рукописи, что мирно покоились на деревянной столешнице, и бросила их в огонь камина. Огонь с жадностью поглотил лакомство, которое так любезно предоставила ему моя сестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.